

УДК 93/94

История СССР в отражении рисунков набивных тканей: 1920–1940-е гг.

Брызгов Николай Викторович

Кандидат искусствоведения, профессор,
декан факультета «Дизайн»,

Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова,
125080, Российская Федерация, Москва, Волоколамское шоссе, 9;
e-mail: bryzgoff@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена отражению коренных общественных и идеологических сломов в истории русского советского текстиля с 1920-х по 1940-е гг. Советская власть значительно изменила облик текстильной промышленности в России. Многие фабрики просто меняли форму хозяйствования, сохранив свое оборудование и направление работы. Набивные рисунки 1920-х годов активно отражали новые реалии. Важнейшим новшеством наступившей эпохи стал агитационный текстиль – ткани с рисунками на агитационную тематику, которые выпускались советской промышленностью во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. Одежда, граница между телом и миром, играла важную роль в становлении нового советского человека. Наряду с отвлеченным, абстрактным «новым» рисунком для ткани шли поиски в предметном, живописном материале для набойки тканей. Агиттекстиль стал способом, сохраняя дореволюционные традиции текстильного производства, внедрять в создание людей советскую идеологию. Наряду с традиционными мотивами: цветы, полосы и квадраты, огурцы, – агитационный текстиль включал новые орнаментальные детали: трактора и серпы, самолеты и шестеренки, колосья и ракеты. В 1930-е годы поменялся советский подход к потреблению, и стал возвращаться цветочный орнамент.

Для цитирования в научных исследованиях

Брызгов Н.В. История СССР в отражении рисунков набивных тканей: 1920–1940-е гг. // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2019. № 4-5. С. 10-31.

Ключевые слова

Советский текстиль, культурная революция, 1920-е годы, советские ткани, текстильная промышленность, агитационный текстиль.

Введение

Источники изучения истории, наряду с печатными и письменными текстовыми документами, включают в себя артефакты материальной культуры, в частности, декоративно-прикладного искусства. Специфическим источником познания исторического периода первых десятилетий существования СССР являются набивные ткани, узоры на которых ярко отражают тенденции своей эпохи [Алпатов, 1964; Бесчастнов, 1986; Бесчастнов, 2010].

Набивной называется ткань, поверхность которой украшена печатным рисунком; изначально это выполнялось вручную «набивкой» (набойкой), однако затем термин был перенесен и на те ткани, рисунок на которые наносят тканепечатающие машины.

Производство набивной ткани в России

Начало производства набивной ткани в средневековой России было связано с экономическими и религиозными ограничениями: в частности, было запрещено использовать зарубежные ткани для изготовления священнических одеяний, чтобы избежать иноземной греховности. Следы набивных узоров встречаются уже в церковной одежде святителя Варлаама Хутынского в XII в. [Соболев, 1912, 15]. Вероятнее всего, первыми набойщиками были иконописцы, которые вообще выполняли много видов декоративных работ.

Набивные ткани имели широкое распространение. Говоря о русской древности, Н.Н. Соболев пишет: «В старинных книгах приказов, описях монастырских и других актах постоянно встречаются указания на набойки, из которых шили церковное облачение, одежды священнослужителям, переплетами в них книги, шили шатры и знамена для полков, делали занавесы, полавочки, перины и бумажники, т.к. тюфяки, набитые хлопчатой бумагой, оклеивали или сундуки и ризницы, шили телогреи, кафтаны и сарафаны, – словом, набойку мы видим везде» [Соболев, 1912, 4-5], то есть набивные ткани использовались и в быту.

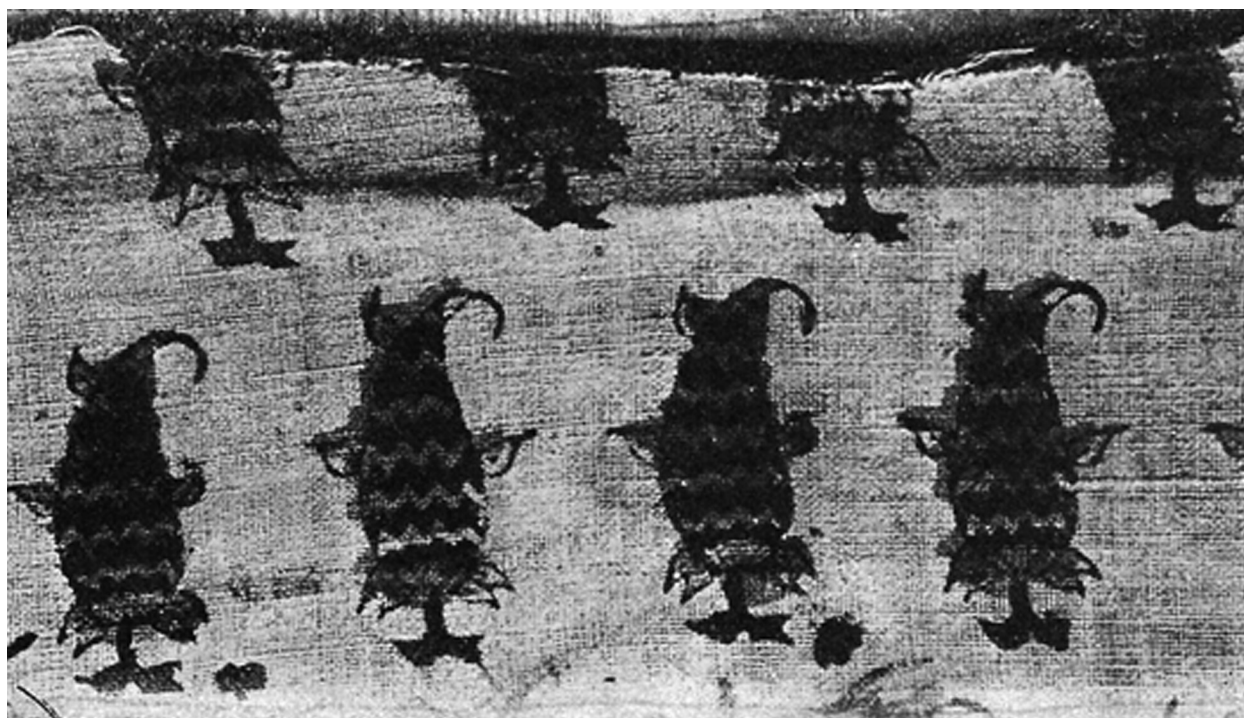
Традиционно старинные набойки печатали с досок, сделанных из твердых пород дерева: ореха, груши, клена, – с резными узорами. Размеры досок бывали от 30х40 см и более. Начиная с XVIII в. для достижения тонкой прорисовки доску стали дополнять металлическими вставками в виде полосок и гвоздик; затем доски из дерева и вовсе стали заменяться металлическими, часто медными. Однако на севере России долго оставались традиционные деревянные доски.

Начиная с XVIII в. ручную набойку стали замещать набойные мануфактуры. Вот как об этом процессе замещения пишет в начале XX века Н.Н. Соболев: «Ручная набойка, кормившая у нас, в России, целые уезды, исчезла почти повсюду за короткое сравнительно время, и громадные здания современных набивных фабрик совершенно заслонили фигуры тех набойщиков, искусство которых положило основание механическому печатанию» [Соболев, 1912, 3]. Первые русские ситценабивные фабрики, возникшие при Елизавете Петров-

не, управлялись иностранцами: так, первыми управляющими фабрик были В. Чемберлен, Р. Козенс [Гордеева, 2008, 94].

Отражение окружающей реальности в набивных тканях

Набивные ткани издавна отражали окружающую реальность и позволяли судить о культурном уровне и идентичности мастеров. Так, в частности, сохранившиеся к началу XX века ткани набойки XVI-XVIII вв. отражали мотивы старинных иноземных влияний: как пишет исследователь истории вопроса, в этих узорах «мы видим <...> славы той культуры, которая пришла откуда-то издали, из степей азиатского Востока. В мелких составных частях этих рисунков мы встретим и детали классических форм орнаментов, и стилизацию растений, процветавшую в мусульманском искусстве, и влияние Византии, которая, несмотря на отдаленность эпохи своего существования, нет-нет да и скажется в деталях позднего рисунка» [Соболев, 1912, 23-24]. Такая традиционность очевидно связана с тем, что вообще удобные, удачные набойные доски могли использоваться десятилетиями. Изысканные растительные мотивы, например, явны на набойке XVII в. (рис. 1).

Рисунок 1. Часть набойки 1668 года: обита тыльная часть образа, хранящегося в Московском Историческом музее [Соболев, 1912, 23]

Однако набойка отражала и новые явления, в том числе технические новшества. Так, сохранилась набойная доска конца XIX в., на которой изображена техническая новинка: паровоз (рис. 2).

Рисунок 2. Набойная доска. Конец XIX века. Сольвычегодский уезд Вологодской губ. Мастерская С.В. Тихонова. Государственный Русский музей [Плотникова, 1995, 41]

Кубовая набойка в русской деревне существовала вплоть до 1930-х гг.: «в XX веке крестьянский набивной промысел продолжал сохранять старые формы организации, выразившиеся в тесной связи с ручным производством холста и набойных досок и в устойчивости сложившихся приемов набойки» [Плотникова, 1995, 11]. Уровень художественного мастерства этой набойки свидетельствовал «о высоком мастерстве народных художников, их умении лаконичными средствами, с помощью нескольких орнаментальных элементов и всего двух-трех красок создавать бесконечное множество вариантов декоративных композиций» [Плотникова, 2010, www].

Первая мировая и гражданские войны привели к значительному спаду в области текстильной промышленности. Объем производства 1913 года был восстановлен только через 20 лет.

Советская власть значительно изменила облик текстильной промышленности в России. В частности, в области декорирования тканей: так, в период 1929-1931 гг. по всей стра-

не было уничтожено более 25 тысяч цветочных эскизов орнаментов для тканей [Блюмин, 2010, 22].

Многие фабрики просто меняли форму хозяйствования, сохранив свое оборудование и направление работы. К ним, в частности, относились: комбинат «Трехгорной мануфактуры» им. Дзержинского (ранее завод «Товарищества прохоровской Трёхгорной мануфактуры»), Москва; Первая ситценабивная фабрика (ранее мануфактура «Товарищества Эмиль Циндель»), Москва; Семеновская красильно-аппретурная фабрика (ранее предприятие «Товарищества Семеновской ткацкобелительной фабрики»), Москва; Ткацко-отделочная фабрика им. Молотова (ранее Большая Ивановская мануфактура Торгового дома «Гарелина Никона сыновья»), Иваново; Вторая ситценабивная фабрика (ранее фабрика «Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина»), г. Серпухов [Вострикова, 2004].

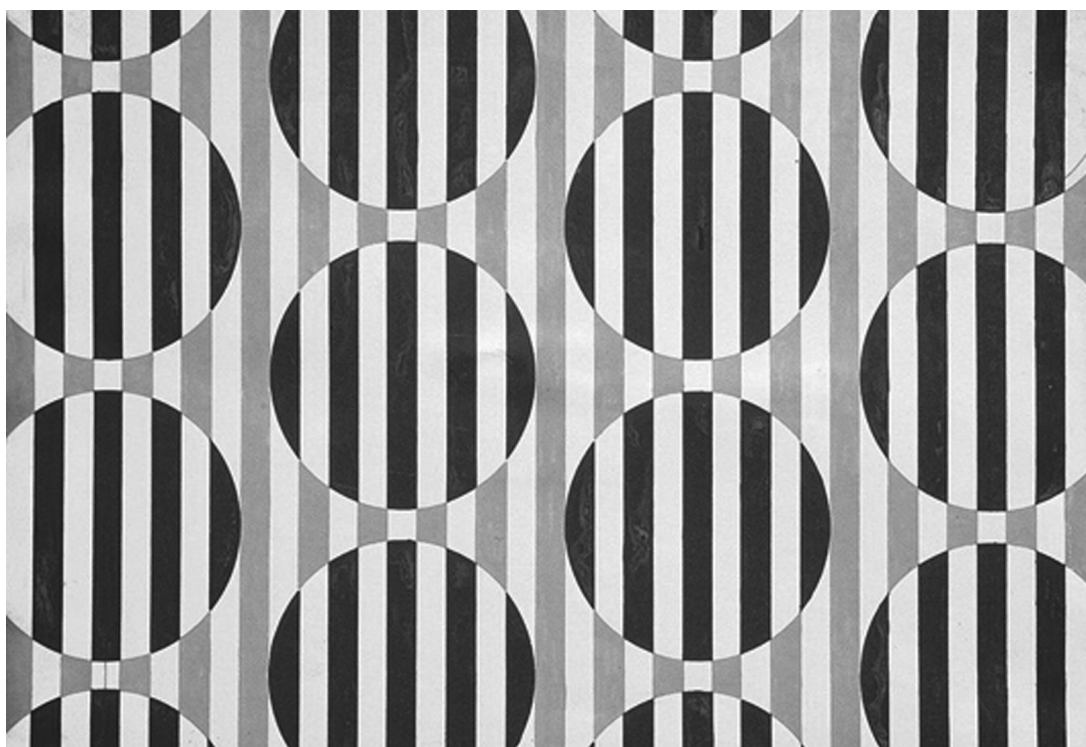
Так, в 1920-е годы началось строительство крупнейших текстильных предприятий на территории Ивановской области: с 1925 по 1935 гг. были построены несколько фабрик, в том числе «Красная талка», фабрика им. Дзержинского и Меланжевый комбинат. Ивановская промышленная область (объединившая Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии) к концу 1920-х гг. производила 49% хлопка в СССР и 77% льна [Карева, 1999].

Набивные рисунки 1920-х годов активно отражали новые реалии. Важнейшим новшеством наступившей эпохи стал агитационный текстиль – ткани с рисунками на агитационную тематику, которые выпускались советской промышленностью во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. [Карпова, 2011]. «После Гражданской войны практически сразу же встал вопрос о необходимости новых узоров в текстиле. Важно отметить, что нужда в них была вызвана не экономическими причинами, не конкуренцией за покупателя, как, например, в странах Западной Европы с рыночной экономикой, а исключительно идеологическими целями» [Блюмин, 2010, 16].

В соответствии с новыми идеалами считалось, что воздействие изображений на социум может перевоспитать людей. Считалось, что «предметы повседневной жизни воздействуют на нас иначе – непосредственно эмоционально, зачастую совершенно вне всяких логических связей» [Уиддис, 2010, 102], и в этом смысле текстиль действовал не просто на сознание – на подсознание. Одежда, граница между телом и миром, играла важную роль в становлении нового советского человека.

Осип Брик писал: «Ситец – такой же продукт художественной культуры, как картина, и нет оснований проводить между ними какую-то разделительную черту... Мало того, картина, неразрывно связанная с формами капиталистического строя, умирает, а в центр творческого внимания становится теперь ситец» [цит. по: Горошек..., 2019]. В статье 1923 г. А. Карабанов требовал от художников вместо «буржуазных, мещанских цветочков и амурчиков... дать новые расцветки и рисунки тканей, которые, будучи беднее по волокну, победят мировую конкуренцию богатством своего замысла, смелостью и революционной красотой мысли...» [цит. по: Остаркина, 2010, 17].

Л. Попова и В. Степанова, крупные художники русского авангарда, серьезно восприняли призыв в статье П.П. Викторова «Художники, откликнитесь!» в 1923 г., где тот рекомендовал как можно быстрее «обслуживать глубокую толщу всего населения СССР, создавая новые мотивы рисунка для ситцев и новые сочетания цветов на тканях» [цит. по: Блюмин, 2010, 17]. Этим художницам, которые перенесли на полотно принципы собственной станковой живописи, удалось создать по-настоящему яркие и интересные узоры и сформировать, по словам Ф.С. Рогинской, «первую советскую моду» [там же]. В их рисунках для ткани бился ритм новой жизни, динамичной и обновляющейся [Абрамова, 1963]: «первые рисунки для тканей Поповой и Степановой были по большей части геометрическими и беспредметными, с вкраплениями эмблем и фигур (зубцы, рычаги), заимствованных из машинной индустрии и превращённых из узнаваемых образов в абстрактные формы» [Уиддис, 2010, 105] (рис. 3).

**Рисунок 3. В. Степанова. Рисунок для ткани. 1924.
Бумага, гуашь. 31,5x37 см. Частное собрание¹**

В дальнейшем сохранившиеся образцы тканей показывают «определённое влияние геометрических рисунков Поповой и Степановой на продукцию, которую производили не только московские фабрики, но и предприятия Иваново-Вознесенска» [Блюмин, 2010, 17].

Вместе с тем геометрический беспредметный орнамент находил себе дорогу не так уж просто. Так, в 1926 г. Степанова была вынуждена уйти с Первой ситценабивной фабрики

¹ [https://tatlin.ru/MyWeb-Image/table/article_photos/field/file/content-field/content/equality-field/id/equality/522/width/900/height/610/1/file%20\(1\).jpeg](https://tatlin.ru/MyWeb-Image/table/article_photos/field/file/content-field/content/equality-field/id/equality/522/width/900/height/610/1/file%20(1).jpeg)

из-за нежелания руководства фабрики множить геометрически-машинизированные рисунки; советский потребитель был пока не готов к такому обновлению. Спрос требовал более предметных рисунков [Нестерова, 1983].

Одним из пионеров советского текстильного рисунка стал ивановский художник С.П. Бурьин, который учился и работал на фабрике Товарищества Куваевской ситценабивной мануфактуры, а также на Большой Иваново-Вознесенской фабрике. Он в 1924-1925 гг. создавал изысканные узоры с тонкой прорисовкой колосьев, звёзд, серпа и молота.

Наряду с отвлеченным, абстрактным «новым» рисунком для ткани шли поиски в предметном, живописном материале для набойки тканей, и в ходе этих поисков создавались настоящие живописные полотна, в частности, воссоздающие жизнь села в стиле фильма «Кубанские казаки» (рис. 4).

Рисунок 4. Трехгорная мануфактура. Москва. Сельское потребительское общество. Ситец декоративный. Конец 1920-х гг.²

2 https://1.bp.blogspot.com/-hJwGskz40xY/TwaOzjq1F4I/AAAAAAAAAVo/C0-_xT4CINI/s400/0_25272_fa14ea2d_-2-XL.jpg

Дискуссия о рисунках для текстиля продолжалась в конце 1920-х годов. Именно она привела к рождению т.н. агитационного (или тематического) текстиля [Работнова, 1973; Соловьев, 1989; Таньшина, 2007].

Агиттекстиль стал способом, сохраняя дореволюционные традиции текстильного производства, внедрять в сознание людей советскую идеологию: «Как же рассказать о достижениях новой власти в максимально простой и доступной форме? Начинается первый масштабный эксперимент по управлению массовым сознанием с помощью агиттекстиля. Этим занимается специальное направление орнаментации тканей, созданное членами Ассоциации художников революционной России (АХРР)» [Горошек..., 2019].

Особенным жанром агитационного текстиля стали платки, которые представляли собой большие полотнища на ту или иную политическую тему (рис. 5).

Рисунок 5. Л.М. Чернов-Плесский. Платок. Агитационный текстиль. Тейковская мануфактура. 1922 г.³

³ <http://textilemuseum.ru/resources/faf2cfc6db8c5b4de6041dec9a3f320c.jpg>

Агитационный текстиль формировался, в частности, в стенах ВХУТЕМАСа вместе с текстильным дизайном как направлением. Выпускники должны были стать не просто рисовальщиками, но художниками-технологами на текстильном производстве. Так, Л. Маяковская вела во ВХУТЕМАСе курс новаторской аэрографии. Особый специально разработанный курс для художников текстиля вели лучшие преподаватели того времени: Н.А. Ладовский, А.М. Родченко и другие.

В определенной степени агиттекстиль «стал продолжением эксперимента Поповой и Степановой по созданию нового текстиля, но в эксперименте этом было одно существенное отличие – вытеснение геометрического орнамента орнаментом символическим» [Акинша, 2010, 94].

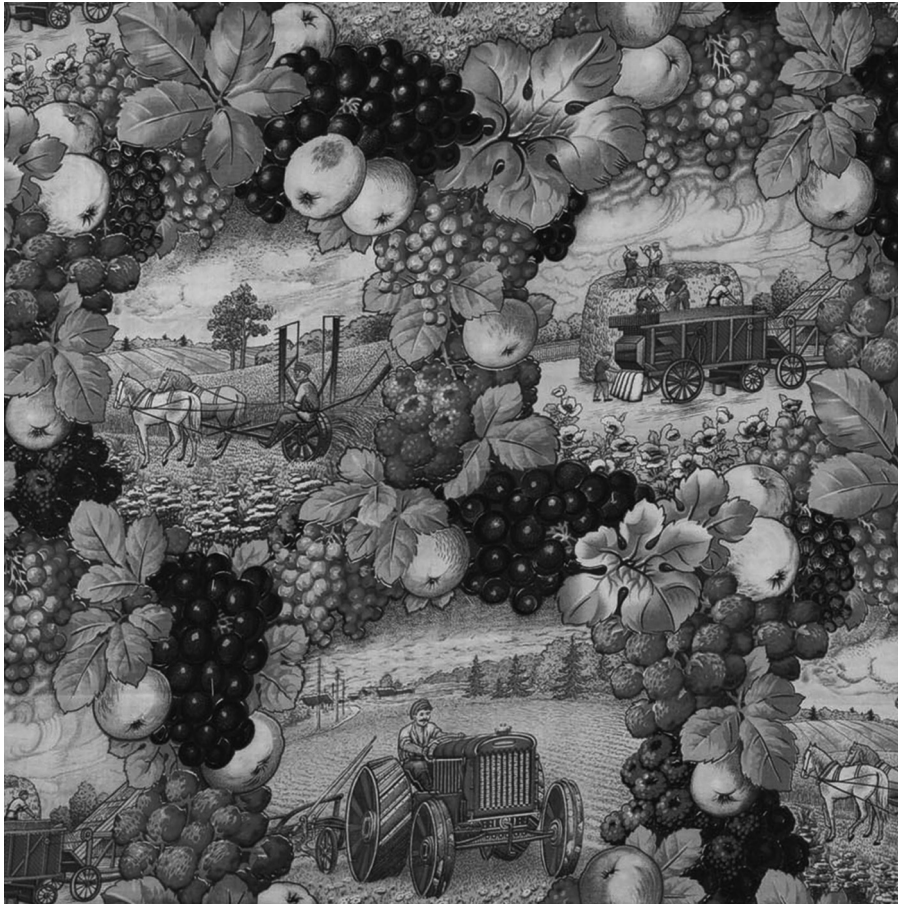
Наряду с традиционными мотивами: цветы, полосы и квадраты, огурцы, – агитационный текстиль включал новые орнаментальные детали: трактора и серпы, самолеты и шестеренки, колосья и ракеты. Все это отражало происходящие в стране процессы индустриализации, электрификации и коллективизации [Макаров, 1974]. Так, важным мотивом был мотив пятиконечной звезды, в частности, включенный в орнаментальные мотивы 1925-1926 гг. в Новой Иваново-Вознесенской фабрике.

На выставке нового текстиля, организованной ВХУТЕИНОм («Бытовой советский текстиль», 1928), были следующие узоры, отражающие новую реальность: трактора и индустриальные мотивы, гирлянды и фрукты. Сами названия тканей и жанров предполагали освещение новой реальности: платок «спортсменский», ткани «Индустриализация деревни» (В.И. Маслов), «Деревенский комсомол» (К. А. Щуко), «Индустриальный» (Д.Н. Преображенский), «Фабричный гудок» (С.П. Бурыйлин) и другие [Блюмин, 2010, 19; Уиддис, 2010, 105].

Нередко объектами изображения становились новые люди: рабочие и крестьяне. Сцены из жизни новой советской деревни отличались красочностью и символикой изобилия (рис. 6).

Также часто изображались актуальные аббревиатуры: СССР, КИМ, РСФСР и так далее. Ткани агитационного фольклора шли на агитационные плакаты, знамена, на пошив одежды. Они активно замещали былые цветочные узоры.

Тематика рисунка на агитационном текстиле откровенно совпадала с лексикой новой эпохи. «На смену цветам пришли трактора, пышущие паром локомотивы, заводские гудки, «лампочки Ильича» и другие символы советской модернизации. Интересно, что репертуар иконографии агитационного текстиля мало чем отличается от набора идеологических тем, использовавшихся в то время в фотографии и плакате. Перелистав журнал «СССР на стройке», можно найти абсолютно идентичный набор иконографических изводов: фабрики и заводы (не лишённые столь любезного сердцу радикального фотографа/художника внимания к «анатомии машин» – классического проявления индустриального фетишизма), электрификация, культ авиации в частности и транспорта вообще (мчащиеся паровозы, противопоставленные верблюдам (Турксиб), плывущие корабли и т. п.). Присутствуют в орнаментации агитационного текстиля и физкультурники, марширующие пионеры, колонны красноармейцев – одним словом, массы, превращённые в орнамент» [Акинша, 2010, 95].

Рисунок 6. В. Маслов. Деревня. Ситец. Иваново-Вознесенский государственный текстильный трест. 1925 г.⁴

Обобщая тематику агитационного фольклора, можно выделить следующие тематические группы изображений, связанных с новой исторической реальностью:

- элементы революционной и государственной символики;
- портреты вождей и госдеятелей;
- призывы, аббревиатуры (текстовые орнаменты);
- праздники;
- индустриализация;
- электрификация;
- коллективизация;
- оборона страны (авиация, армия, флот);

– здоровый образ жизни (спорт, туризм, детство) [Ясинская, 1974; Блюмин, 2006; Таньшина, 2008].

Революционная символика активно вторгалась в орнамент текстиля. Так, например, важным символом стала пятиконечная звезда, которая нашла свой путь на ткани, в том числе будучи вписана в более традиционные орнаменты (рис. 7-8).

⁴ <http://textilemuseum.ru/resources/db6dc97dbff0a4c5e3eeadb5e6e1c237.jpg>

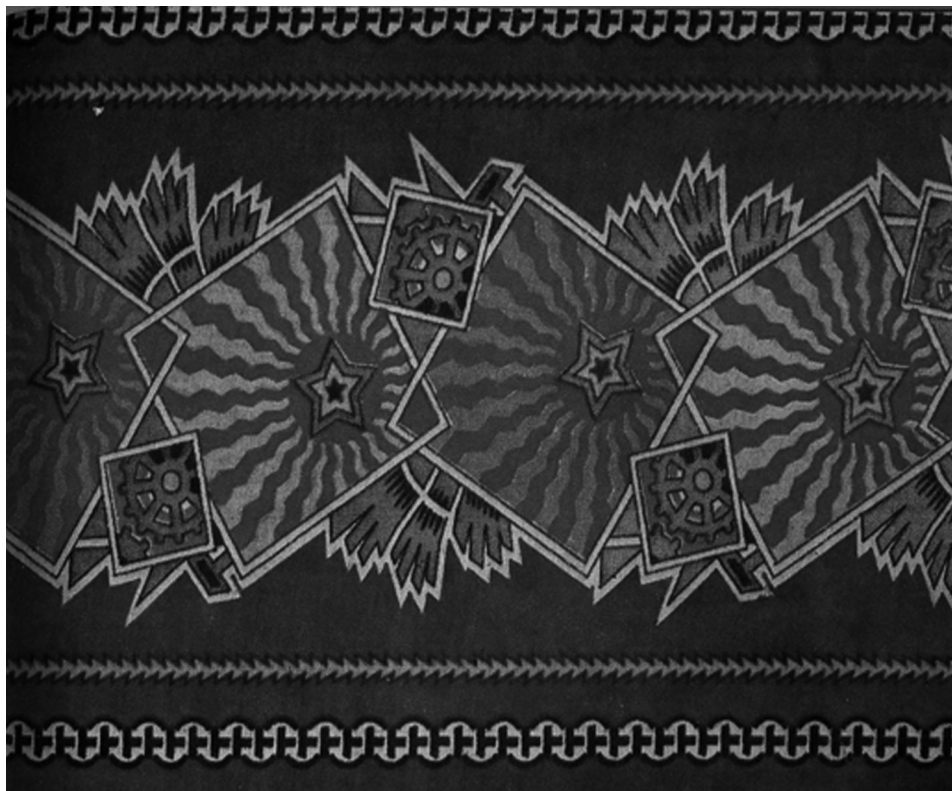

Рисунок 7. С.П. Бурьлин (?) Ситец декоративный. Конец 1920-х – начало 1930-х гг.
Собрание И.М. Ясинской. Ленинград [Ясинская, 1977, 93]

Рисунок 8. С.П. Бурьлин (?) Ситец декоративный. Конец 1920-х – начало 1930-х гг.
Собрание И.М. Ясинской. Ленинград [Ясинская, 1977, 95]

Портреты вождей представляли особый вид творчества текстильных художников. Так, после смерти В. И. Ленина его память на ткани должен был увековечить Н. Демков: платки предназначались депутатам Первого Всесоюзного учительского съезда в Москве (рис. 9).

Рисунок 9. Н.С. Демков. Платок. Большая Иваново-Вознесенская мануфактура, 1924⁵

Важным вопросом оставалась проблема сохранности изобразительной выразительности новых орнаментов. Становятся ли повторяющиеся «пловцы», «физкультурники» и т.д. отвлеченным узором, либо это зарисовки с улицы, похожие на газетные фотографии, то есть остаются иллюстрацией? Например, «Условная трактовка фигурок работниц в белых юбках и зеленых футболках, схематизированные элементы текстильного промышленного оборудования образуют на ткани Д. Лехтман-Заславской плотную раппортную структуру, которая визуальнo воспринимается как геометрический орнамент» [Власов, Власова, 2017, 142].

⁵ <http://textilemuseum.ru/resources/4ce5eec0375d56a7d105189792556b99.jpg>

У «орнамента» были свои идеологические противники. Так, например, художник по тканям и организатор текстильной секции МОСХ Лия Райцер считала, что орнамент, как декоративный элемент, по сути своей является буржуазным и не должен использоваться в советском текстиле.

Выразительным средством, подтверждающим наступление нового времени, стал прием визуального противопоставления старого и нового, этого мира и заграничного. Этот прием применялся как в печати, так и в текстиле, например, в эскизе С.П. Бурылина для плательной ткани (рис. 10).

Рисунок 10. С. П. Бурылин. Эскиз рисунка для плательной ткани «Пахарь и тракторист». Июль 1930 [Остаркова, 2010, 95]

Кроме фигуративной орнаментации использовались орнаменты, близкие к идеограмме: сочетание цифр, аббревиатур и символов. В частности, одним из популярных рисунков такого типа было переплетение цифр 4 и 5, означавших «пяtilетку в 4 года». Повтор подобных идеограмм превращает такие узоры в чисто орнаментальные, плохо читаемые знаки: это остранение знаков отчасти напоминает то остранение, которое происходит со шрифтами в тэггинге в культуре граффити (роспись на стенах).

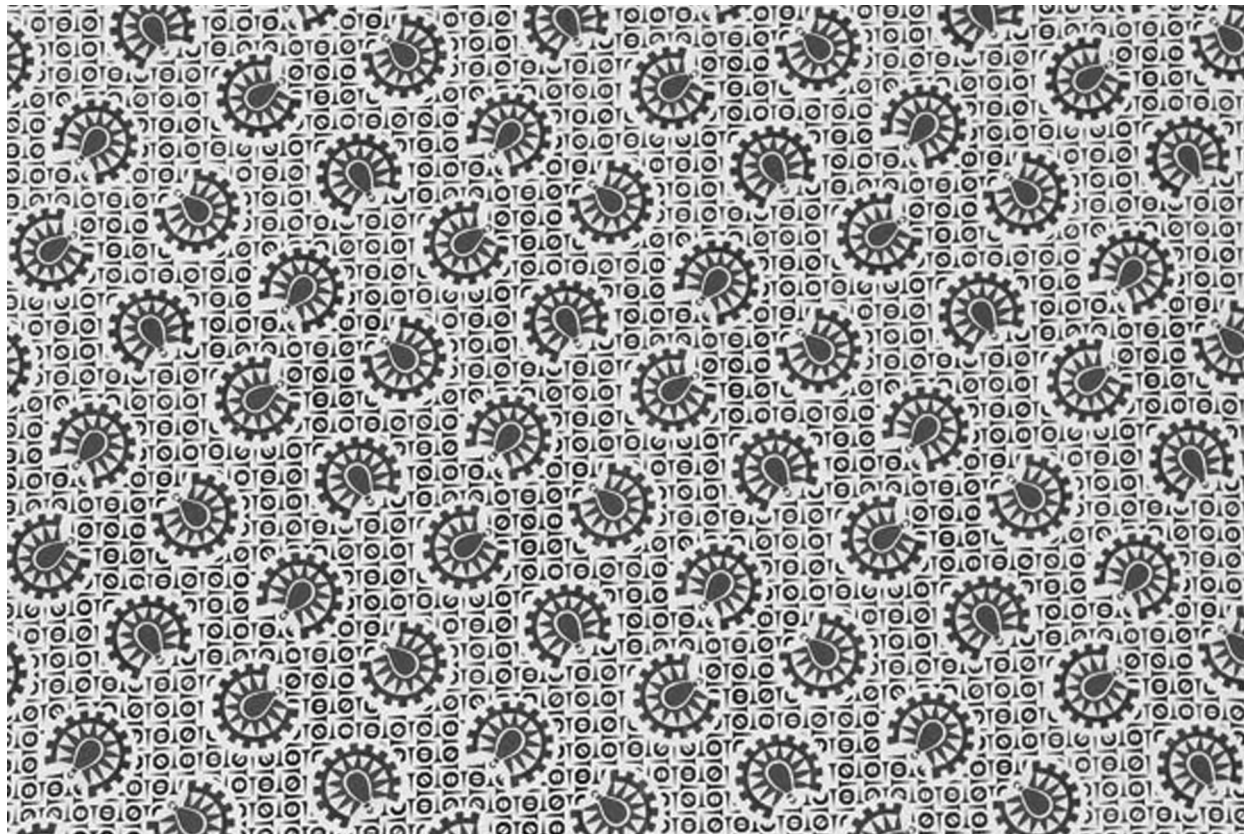
Пропагандистское значение индустриальных орнаментов выражалось, в частности, в визуальном утверждении «правильных» частей реальности: умножение на текстиле заводов и тракторов, марширующих колонн и крестьян, должно было магически увеличить их количество в реальности (рис. 11).

Высшего расцвета агитационный советский текстиль достиг к концу 1920-х годов, что совпало с перестройкой национальной текстильной индустрии в годы первой пятилетки. При этом исследователи отмечают, что конец 1920-х – 1930-е гг. были временем дефицита тканей, как и других промышленных товаров [Власов, Власова, 2017, 142].

Однако перепроизводство образов выхолащивало из них всякое содержание и превращало изображение виртуальный знак. Уже в начале 1930-х годов лавина изображений трак-

торов и комбайнов стала вызывать иронические комментарии. Появившаяся в 1933 году в «Правде» статья «Спереди трактор, сзади комбайн» Г. Рыклина стала знаком времени – сообщением о том, что агитационный текстиль уже не отражал чаяний властей и пережил свое время.

Рисунок 11. «Лампы». Ткань с тематическим рисунком. Первая ситценабивная фабрика в Москве. 1920-е – 1930-е гг.⁶

Агитационный текстиль упрекали в отсутствии принципиального обновления художественного строя. В 1931 году искусствовед Федоров-Давыдов писал, что художники «не пошли никуда дальше простой замены розы трактором» [цит. по: Горошек..., 2019]. Однако это суждение не вполне справедливо. Агитационный текстиль был не насильственным поворотом в декорировании одежды, но вполне отвечал своему времени и наследовал искусству русского авангарда – в частности, супрематизма (рис. 12).

«Образы советской действительности послереволюционного времени и выразительные средства, опирающиеся на достижения художников-авангардистов, относятся к важнейшим особенностям феномена агитационного текстиля» [Блюмин, 2010, 18]. Важно также отметить, что тематика агитационного текстиля не определяла его стиль; схематические изображения самолетов, работниц и звезд скорее говорили о супрематизме и конструктивизме, чем о передовицах советских газет (рис. 13).

⁶ https://ic.pics.livejournal.com/sergguard/61295286/80087/80087_600.jpg

Рисунок 12. «Рыбаки». Набивная ткань. Трёхгорная мануфактура в Москве. 1920-е – 1930-е гг. [Tolstoy, 1990, 258]

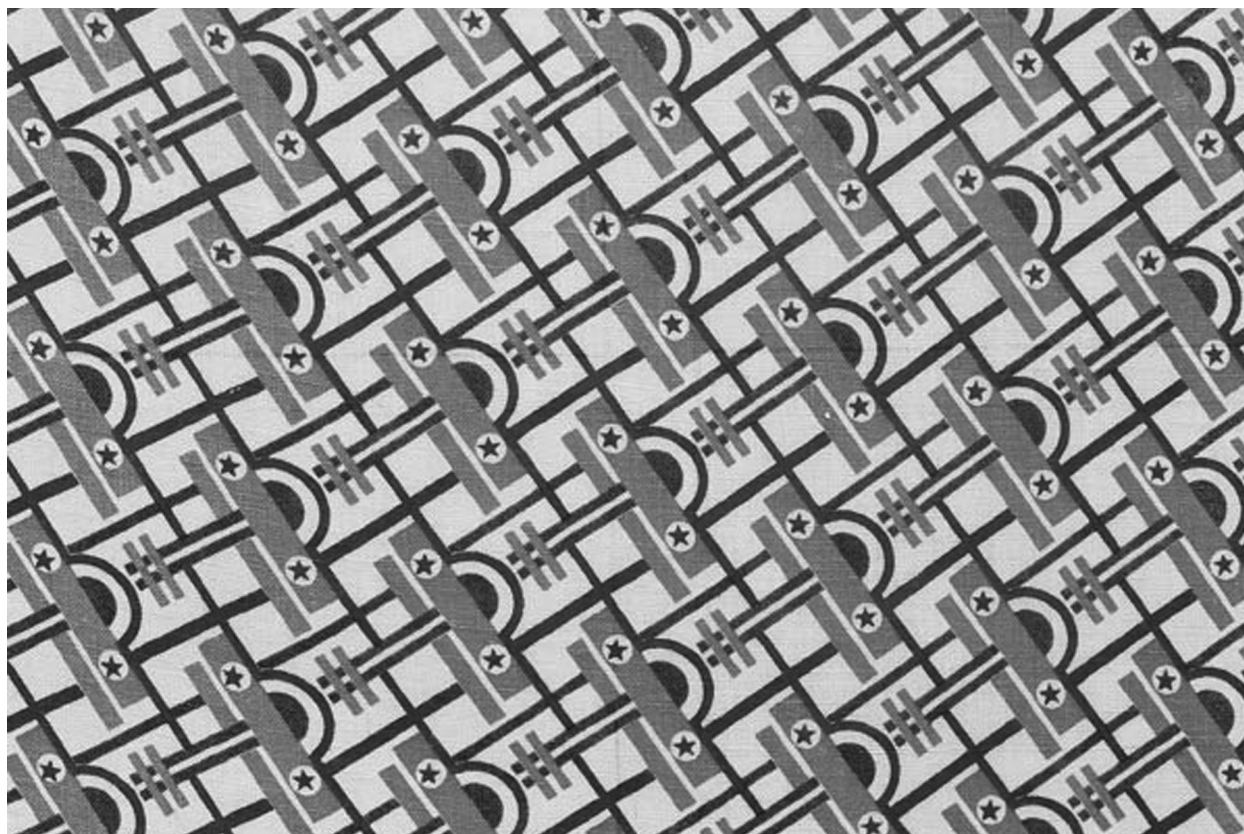
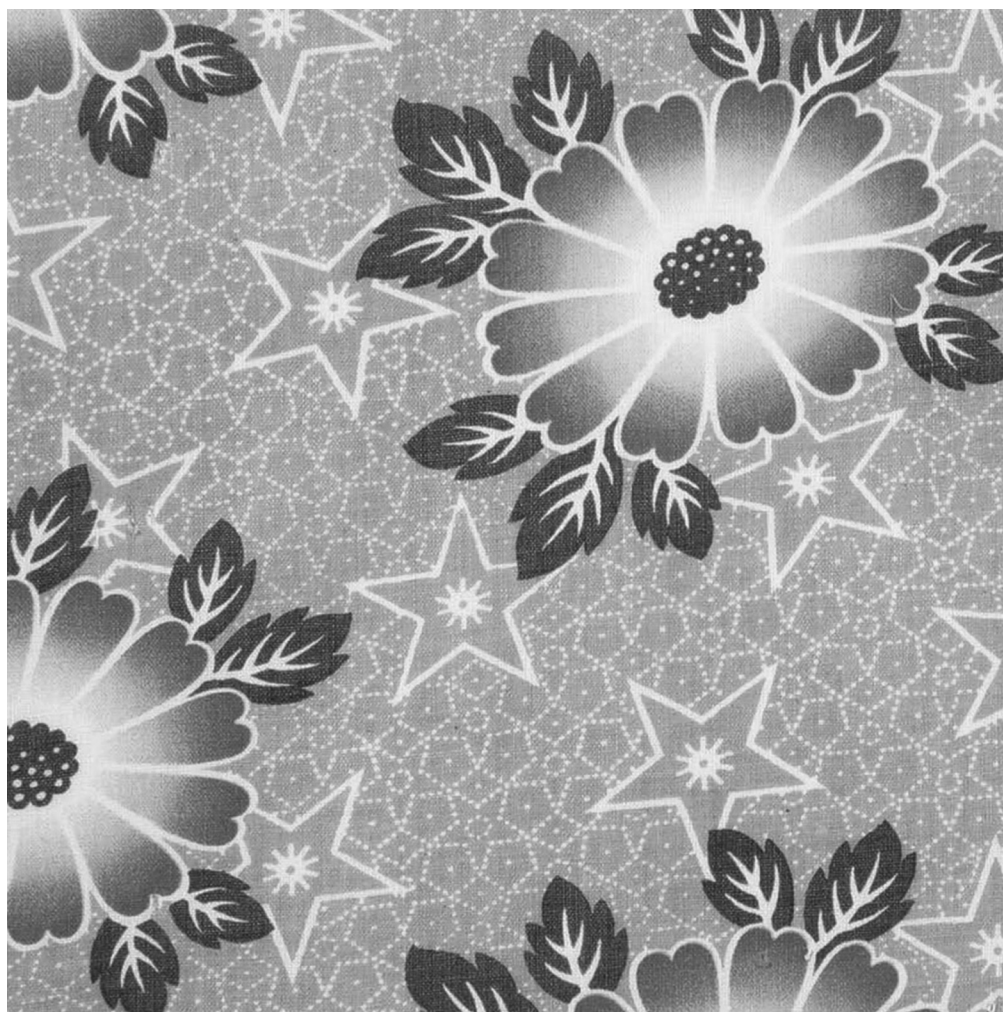

Рисунок 13. В.Д. Латонина «Транспорт» («Самолёты»). Ситец. 1929 г.⁷

⁷ https://ic.pics.livejournal.com/sergguard/61295286/79431/79431_600.jpg

Интересно отметить, что агитационный текстиль – не сугубо советская черта, он также использовался в предвоенный период в США, Великобритании, Японии. Так, в Японии «Текстиль для мужских кимоно часто украшался военной символикой, в которой доминировали авиационные темы – изображения военных самолётов и падающих бомб» [Акинша, 2010, 99]. Интересно, что агитационный текстиль стал прежде всего материалом для женской одежды; впрочем, советские агитационный ткани стали первыми в этой последовательности.

Середина 1930-х годов, связанная с революцией в искусстве, приведшей к победе соцреализма, была ознаменована поворотом к «понятному», простому искусству, доступному народу. В текстиль стали возвращаться цветочные и орнаментальные мотивы, и «ивановские ситцы снова расцвели яркими аляповатыми цветами» [Акинша, 2010, 99]. Мотивы агитационного текстиля стали уходить в прошлое, уступая привычной растительной тематике (рис. 14).

Рисунок 14. П.Г. Леонов. Цветы и звезды. Ситец для Восточного Китая. Фабрика им. рабочего Ф. Зиновьева. 1930 г.⁸

⁸ <http://textilemuseum.ru/resources/0fbff72c5cead146394a213f807a07ca.jpg>

Таким образом, в 1930-е годы поменялся советский подход к потреблению, и стал возвращаться цветочный орнамент, что заметно и по материалам прессы того времени: «Во второй половине 1930-х годов на экранах кинотеатров и страницах модных журналов летние платья в цветочек заняли место нового визуального идеала советского отдыха» [Уиддис, 2010, 107].

Заключение

Таким образом, в текстильной промышленности СССР происходили процессы, параллельные общехудожественным. Подобно тому как в искусстве был разгромлен левый фронт, раскритикованы «формалисты» и «натуралисты», в текстильном декорировании на протяжении 1920-х и в начале 1930-х годов приветствовались опыты нового индустриального и социального содержания, однако с середины 1930-х было взято направление на «понятность» искусства и возвращение к традиционным цветочно-орнаментальным мотивам.

Библиография

1. Абрамова А. Одна из первых. К 70-летию со дня рождения В. Ф. Степановой // ДИ СССР. № 9. 1963. С. 19-21.
2. Акинша К. Идеология как орнамент // Остаркова И. (ред.) 100% Иваново. Агитационный текстиль 1920-х – 1930-х годов из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурдылина. М.: Первая публикация, 2010. С. 93-100.
3. Алпатова И. О композиции текстильного рисунка // Декоративное искусство. № 2. 1964. С. 15-19.
4. Альбом ивановских агитационных тканей, текстильных рисунков и эскизов к ним. М.: Первая публикация, 2010. 172 с.
5. Бесчастнов Н. П. Агиттекстиль // ДИ СССР. № 2 (339). 1986. С. 48-49.
6. Бесчастнов Н. П. Художественная роспись по ткани 1920-1930-х годов: поиски и эксперименты // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. № 3. 2010. С. 106-112.
7. Блюмин М. А. Влияние искусства авангарда на орнаментальные мотивы тканей 1910-1930-х годов на примере стран Западной Европы и России: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. 287 с.
8. Блюмин М. Феномен агитационного текстиля: опыт ивановских мастеров // Остаркова И. (ред.) 100% Иваново. Агитационный текстиль 1920-х – 1930-х годов из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурдылина. М.: Первая публикация, 2010. С. 15-32.

9. Власов А.В., Власова Г.А. Комментарии к рисункам советских набивных тканей 1920–1930-х гг. из собрания Музея прикладного искусства СПГХПА им. А. Л. Штиглица // Месмахеровские чтения – 2017: материалы междунар. науч.-практ. конф., 21–22 марта 2017 г. СПб., 2017. С. 138-148.
10. Вострикова О. В. Ассортимент тканей и материалов в костюме России первой четверти двадцатого века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2004. С. 204-208.
11. Гордеева О. Европейцы и ситценабивное производство в России // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2008. № 12 (63). С. 94-100.
12. Горошек, трактор и оп-арт: что показывают на выставке тканей в Музее Москвы // The City. 2019. URL: <https://thecity.m24.ru/articles/1189>
13. Карева Г.А. Ивановский агитационный текстиль. Орнамент и надписи // Теория моды. 2011. № 21. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/teoriya-mody/m21-2011/16429-ivanovskiy-agitacionnyu-tekstil-ornament-i-nadpisi.html>
14. Карева Г. А. Новые явления в текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии в 1920-е годы // Забелинские научные чтения – 1999. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 121. С. 359-365.
15. Карпова Ю. В. Агитационные ткани 1920-х-1930-х гг. // Среди коллекционеров. № 4(5). 2011. С. 4-23.
16. Макаров К. А. Советское декоративное искусство. М., «Советский художник», 1974. 332 с.
17. Нестерова И. Ткани Комбината им. III Интернационала // Советское декоративное искусство – 7. М., «Советский художник», 1983. С. 59-66.
18. Остаркова И. (ред.) 100% Иваново. Агитационный текстиль 1920-х – 1930-х годов из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурдылина. М.: Первая публикация, 2010. 304 с.
19. Плотникова М.В. (сост.) Кубовая набойка в России XIX – XX вв. в собрании Государственного Русского музея. СПб., 1995. 124 с.
20. Плотникова М.В. Русские набивные ткани // Тайны старого сундука. 2010. URL: <http://oldchest.ru/vyshivka/russkie-nabivnye-tkani/>
21. Работнова И. П. Набивные ситцы конца 20-х – начала 30-х годов // ДИ СССР. № 10 (191). 1973. С. 56-57.
22. Соболев Н.Н. Набойка в России. История и способ работы. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. 110 с.
23. Соловьёв В. Л. Ивановские ситцы: дис. ... канд. искусствоведения. М., 1989. 136 с.
24. Таньшина З.А. Ивановский текстиль первой трети XX века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Сборник научных трудов. Вып. 1. М., 2007. 170 с.

25. Таньшина З. А. Художественное проектирование набивных тканей для отечественной промышленности 1920-х-1930-х гг. М., 2008. 222 с.
26. Уиддис Э. «Человек есть то, что он носит»: тематический текстильный рисунок и формирование советского человека // Остаркова И. (ред.) 100% Иваново. Агитационный текстиль 1920-х – 1930-х годов из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина. М.: Первая публикация, 2010. С. С. 101-110.
27. Ясинская И.М. (сост.) Советские ткани 1920-1930-х гг. Л.: Художник РСФСР, 1977.
28. Ясинская И. М. Ткани 1920-х годов в собрании Русского музея // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. X. М, 1974. С. 78-83.
29. Tolstoy V. Russian Decorative arts. 1917–1937. New York, Rizzoli, 1990.

The history of the USSR in printed fabric patterns: from the 1920s to the 1940s

Nikolai V. Bryzgov

PhD in Art History,

Professor,

Dean of the Faculty of design,

Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts,

125080, 9 Volokolamskoe hwy, Moscow, Russian Federation;

e-mail: bryzgov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the reflection of indigenous social and ideological breakdowns in the history of Russian Soviet textiles from the 1920s to the 1940s. Soviet power significantly changed the textile industry in Russia. Many factories changed the form of management, retaining their equipment and the direction of work. The printed fabric patterns of the 1920s actively reflected new realities. Propaganda textiles are viewed as the most important innovation of the new era. Printed fabrics with patterns on propaganda topics were produced by the Soviet industry in the second half of the 1920s and the early 1930s. Clothing as some kind of boundary between the body and the world played an important role in the formation of the new Soviet man. Along with the abstract "new" fabric patterns, searches were carried out in the pictorial material for printed fabrics. The article points out that propaganda textile has become a way of introducing Soviet ideology and at the same time preserving the pre-revolutionary traditions of textile production. Along with traditional motifs (flowers, stripes and squares,

cucumbers), propaganda textiles included new ornamental details: tractors and sickles, planes and gears, ears and rockets. In the 1930s, the Soviet approach to consumption changed, and floral ornaments began to return.

For citation

Bryzgov N.V. (2019) *Istoriya SSSR v otrazhenii risunkov nabivnykh tkanei: 1920–1940-e gg.* [The history of the USSR in printed fabric patterns: from the 1920s to the 1940s]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 4-5, pp. 10-31.

Keywords

Soviet textiles, cultural revolution, 1920s, Soviet fabrics, textile industry, propaganda textiles.

References

1. Abramova A. (1963) Odná iz pervykh. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya V.F. Stepanovoi [One of the first. On the 70th anniversary of the birth of V.F. Stepanova]. *DI SSSR* [The decorative art of the USSR], 9, pp. 19-21.
2. Akinsha K. (2010) Ideologiya kak ornament [Ideology as an ornament]. In: Ostarkova I. (ed.) *100% Ivanovo. Agitatsionnyi tekstil' 1920-kh – 1930-kh godov iz sobraniya Ivanovskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya im. D.G. Burylina* [100% of Ivanovo. The propaganda textiles of the 1920s and the 1930s from the collection of the Burylin State Museum of History and Local Lore in Ivanovo]. Moscow: Pervaya publikatsiya Publ., pp. 93-100.
3. *Al'bom ivanovskikh agitatsionnykh tkanei, tekstil'nykh risunkov i eskizov k nim* [The album of Ivanovo propaganda fabrics, textile patterns and their sketches] (2010). Moscow: Pervaya publikatsiya Publ.
4. Alpatova I. (1964) O kompozitsii tekstil'nogo risunka [On the composition of a textile pattern]. *Dekorativnoe iskusstvo* [Decorative art], 2, pp. 15-19.
5. Beschastnov N.P. (1986) Agittekstil' [Propaganda textiles]. *DI SSSR* [The decorative art of the USSR], 2 (339), pp. 48-49.
6. Beschastnov N.P. (2010) Khudozhestvennaya rospis' po tkani 1920-1930-kh godov: poiski i eksperimenty [Fabric painting in the 1920s and the 1930s: searches and experiments]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhPA* [Decorative art and object-spatial environment. Bulletin of Moscow State Academy of Design and Applied Arts], 3, pp. 106-112.
7. Blyumin M.A. (2010) Fenomen agitatsionnogo tekstilya: opyt ivanovskikh masterov [The phenomenon of propaganda textiles: the experience of Ivanovo masters]. In: Ostarkova I. (ed.)

- 100% Ivanovo. Agitatsionnyi tekstil' 1920-kh – 1930-kh godov iz sobraniya Ivanovskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya im. D.G. Burylina* [100% of Ivanovo. The propaganda textiles of the 1920s and the 1930s from the collection of the Burylin State Museum of History and Local Lore in Ivanovo]. Moscow: Pervaya publikatsiya Publ., pp. 15-32.
8. Blyumin M.A. (2006) *Vliyaniye iskusstva avangarda na ornamental'nye motivy tkanei 1910-1930-kh godov na primere stran Zapadnoi Evropy i Rossii. Doct. Diss.* [The influence of avant-garde art on ornamental motifs of fabrics from the 1910s to the 1930s: a case study of Western Europe and Russia. Doct. Diss.] St. Petersburg.
  9. Gordeeva O. (2008) *Evropeitsy i sittsenabivnoe proizvodstvo v Rossii* [The Europeans and calico production in Russia]. *Antikvariat, predmety iskusstva i kollektсионirovaniya* [Antiques, art and collectibles], 12 (63), pp. 94-100.
  10. *Goroshek, traktor i op-art: chto pokazyvayut na vystavke tkanei v Muzee Moskvy* [Polka dots, a tractor and op art: what is shown at the exhibition of fabrics in the Museum of Moscow] (2019). Available at: <https://thecity.m24.ru/articles/1189> [Accessed 06/08/19].
  11. Kareva G.A. (2011) *Ivanovskii agitatsionnyi tekstil'. Ornament i nadpisi* [Ivanovo propaganda textiles. Ornament and inscriptions]. *Teoriya mody* [Fashion theory], 21. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/teoriya-mody/m21-2011/16429-ivanovskiy-agitacionnyy-tekstil-ornament-i-nadpisi.html> [Accessed 06/08/19].
  12. Kareva G.A. (1999) *Novye yavleniya v tekstil'noi promyshlennosti Ivanovo-Voznesenskoj gubernii v 1920-e gody* [New phenomena in the textile industry of the Ivanovo-Voznesensk province in the 1920s]. *Zabelinskiye nauchnye chteniya – 1999. Istoricheskii muzei – entsiklopediya otechestvennoi istorii i kul'tury* [Zabelin scientific readings – 1999. The Historical Museum as an encyclopedia of Russian history and culture], Vol. 121. Moscow, pp. 359-365.
  13. Karpova Yu.V. (2011) *Agitatsionnye tkani 1920-kh-1930-kh gg.* [Propaganda fabrics in the 1920s and the 1930s.]. *Sredi kollektionerov* [Among collectors], 4 (5), pp. 4-23.
  14. Makarov K.A. (1974) *Sovetskoe dekorativnoe iskusstvo* [Soviet decorative art]. Moscow: Sovetskii khudozhnik Publ.
  15. Nesterova I. (1983) *Tkani Kombinata im. III Internatsionala* [Fabrics manufactured by the 3rd International Mill]. In: *Sovetskoe dekorativnoe iskusstvo – 7* [Soviet decorative art – 7]. Moscow: Sovetskii khudozhnik Publ., pp. 59-66.
  16. Ostarkova I. (ed.) *100% Ivanovo. Agitatsionnyi tekstil' 1920-kh – 1930-kh godov iz sobraniya Ivanovskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya im. D.G. Burylina* [100% of Ivanovo. The propaganda textiles of the 1920s and the 1930s from the collection of the Burylin State Museum of History and Local Lore in Ivanovo]. Moscow: Pervaya publikatsiya Publ.
  17. Plotnikova M.V. (comp.) (1995) *Kubovaya naboika v Rossii XIX – XX vv. v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [Cube fabric patterns in Russia in the 19th and the 20th centuries. in the collection of the State Russian Museum]. St. Petersburg.

18. Plotnikova M.V. (2010) Russkie nabivnye tkani [Russian printed fabrics]. *Tainy starogo sунduka* [Secrets of the old chest]. Available at: <http://oldchest.ru/vyshivka/russkie-nabivnye-tkani/> [Accessed 06/08/19].
19. Rabotnova I.P. (1973) Nabivnye sитtsy kontsa 20-kh – nachala 30-kh godov [Printed calico in the late 1920s and the early 1930s]. *DI SSSR* [The decorative art of the USSR], 10 (191), pp. 56-57.
20. Sobolev N.N. (1912) *Naboika v Rossii. Istoriya i sposob raboty* [Printed fabrics in Russia. The history and the way of manufacturing]. Moscow: I.D. Sytina Publ.
21. Solov'ev V.L. (1989) *Ivanovskie sитtsy. Doct. Diss.* [Ivanovo calico. Doct. Diss.] Moscow.
22. Tan'shina Z.A. (2007) Ivanovskii tekstil' pervoi treti XX veka [The Ivanovo textiles of the first third of the 20th century]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda* [Decorative art and object-spatial environment], 1.
23. Tan'shina Z.A. (2008) *Khudozhestvennoe proektirovanie nabivnykh tkanei dlya otechestvennoi promyshlennosti 1920-kh-1930-kh gg.* [Artistic design of printed fabrics for the domestic industry of the 1920s and the 1930s]. Moscow.
24. Tolstoy V. (1990) *Russian decorative arts. 1917-1937*. New York: Rizzoli.
25. Vlasov A.V., Vlasova G.A. (2017) Kommentarii k risunkam sovetskikh nabivnykh tkanei 1920–1930-kh gg. iz sobraniya Muzeya prikladnogo iskusstva SPGKhPA im. A.L. Shtiglitsa [A commentary on the patterns of Soviet printed fabrics of the 1920s and the 1930s from the collection of the Applied Art Museum at the Stieglitz Academy]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Mesmakherovskie chteniya – 2017"* [Proc. Int. Conf. "Messmacher readings – 2017"]. St. Petersburg, pp. 138-148.
26. Vostrikova O.V. (2004) Assortiment tkanei i materialov v kostyume Rossii pervoi chetverti dvadtsatogo veka [The range of fabrics and materials in the costume of Russia in the first quarter of the 20th century]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda* [Decorative art and object-spatial environment], 3, pp. 204-208.
27. Widdis E. (2010) "Chelovek est' to, chto on nosit": tematicheskii tekstil'nyi risunok i formirovanie sovetskogo cheloveka [A man is what he wears: thematic textile patterns and the formation of a Soviet man]. In: Ostarkova I. (ed.) *100% Ivanovo. Agitatsionnyi tekstil' 1920-kh – 1930-kh godov iz sobraniya Ivanovskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya im. D.G. Burylina* [100% of Ivanovo. The propaganda textiles of the 1920s and the 1930s from the collection of the Burylin State Museum of History and Local Lore in Ivanovo]. Moscow: Pervaya publikatsiya Publ., pp. 101-110.
28. Yasinskaya I.M. (comp.) (1977) *Sovetskie tkani 1920-1930-kh gg.* [The Soviet fabrics of the 1920s and the 1930s]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR Publ.
29. Yasinskaya I.M. (1974) Tkani 1920-kh godov v sobranii Russkogo muzeya [The fabrics of the 1920s in the collection of the Russian Museum]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [Proceedings of the State Russian Museum], Vol. 10, pp. 78-83.